

Глава 20. Звездная ночь безлунна, а холод пробирает до костей

Тяньдэ следовал за Цзи Чанкуном уже много лет. В мире боевых искусств о его учителе говорили разное, но чаще всего звучали слова: «Стремительно взошедший на вершину, исполненный чести и милосердия». Однако Тяньдэ знал истину лучше других. То, что Цзи Чанкун сумел в одиночку выстоять на Собрании героев, принимая вызовы один за другим, было результатом долгих десятилетий изнурительного труда и суровых тренировок. Учитель как-то признался: его величайшим достижением был тот миг на помосте, когда под запредельным давлением он совершил прорыв в своем мастерстве. Но в этом же заключалось и его проклятие — та вершина стала его пределом.

Цзянху подобен великой реке или безбрежному озеру: мастеров в нем великое множество, и они, точно караси, идущие на нерест, не поддаются исчислению.

До того как Цзи Чанкун стал главой Союза, в поднебесном мире сначала властвовали Зеленые врата, а затем — старый Союз боевых искусств. И хотя титула официального лидера тогда не существовало, все понимали: тот, кто держит в руках эти две силы, правит половиной цзянху. На пике своего могущества обе стороны вели себя на удивление осторожно, вольно или невольно избегая открытых столкновений.

Увы, расцвет всегда сменяется упадком. Четыре года назад между этими колоссами вспыхнула искра, и старый Союз за одну ночь превратился в прах. Зеленые врата тоже исчезли с горизонта. Проницательные люди шептались, что в той схватке «Зеленые врата» потеряли тысячу воинов, убив восемьсот вражеских, и, хотя формально победили, их мощь была подорвана. Они предпочли затаиться, чтобы не стать легкой добычей для тех, кто любит бить лежачего.

Оставшись без вожаков, мир боевых искусств мгновенно рассыпался, точно горсть песка. Именитые школы, годами сдерживавшие свои аппетиты, бросились делить власть. Мелкие кланы и вовсе погрязли в бесконечных усобицах, захватывая земли и переманивая учеников.

Слова «реки крови» не были преувеличением — такова была реальность тех лет.

После двух лет непрерывной резни даже самые жадные главы школ осознали, что их силы на исходе. Спрятав хищные оскалы, они, как по команде, уселись за стол переговоров.

Казалось бы, выбрать нового главу — дело нехитрое, но никто не желал уступать. Среди четырех столпов — Эмэй, Куньлунь, Удан и Шаолинь — последний предпочитал держаться в стороне от мирской суеты, хотя и не упускал случая вставить веское слово. Школа Куньлунь, обосновавшаяся в Западных краях, веками славилась своими талантами и, несмотря на удаленность от центра, держалась особняком, соперничая с мастерами Срединной равнины. Удан же всегда считал себя оплотом праведности в цзянху. После долгих лет притеснений со стороны Зеленых врат и старого Союза, в них копилось недовольство, и теперь они жаждали вернуть себе звание первой школы Поднебесной.

Старые обиды между этими четырьмя силами не давали договориться. На словах они искали мира, на деле — плели интриги. В итоге Шаолинь предложил выход: выбрать Главу Союза через честный поединок. Этим человеком не мог быть действующий глава какой-либо школы; им мог стать либо ученик, либо вольный мастер. Главные критерии — сила и добродетель. Более того, действия Главы не должны были представлять интересы его собственной школы, а каждые четыре года его полномочия подлежали пересмотру. Если Глава совершал несправедливость, Шаолинь, Эмэй, Удан и Куньлунь имели право объединиться для совместной расправы.

Это решение взбудоражило цзянху, словно масло, капнувшее в кипящий котел.

Цзи Чанкун, будучи учеником безвестного лесного отшельника, обладал не только острым умом, но и мощной, праведной техникой меча. Его внутренняя сила была столь глубока и основательна, что он неожиданно для всех одержал победу. Именитым школам претило, что победил «человек со стороны», но Цзи Чанкуну уже исполнилось сорок — возраст почтенный. За ним не стояло ни одного клана, его родословная была чиста как слеза, а дочь, Цзи Сяньэр, еще в детстве была отдана в обучение наставнице Ляочэнь в школу Эмэй. Придраться было не к чему.

Наставница Ляочэнь и нынешний глава Удана Чжан Ханьшань в юности были связаны нежными чувствами, но из-за недопонимания и гордости расстались, дав обет забыть о любви. Прошли годы, и хотя обиды не стерлись окончательно, в делах они часто проявляли удивительное единодушие. В решающие моменты их школы всегда выступали единым фронтом.

Наставница Ляочэнь рассудила здраво: Цзи Сяньэр талантлива, и хоть капризна, как любая избалованная барышня, в основе своей добра. Если ее закалить, она добьется многого, а со временем ей можно будет доверить и всю школу Эмэй. Если же поддержать ее отца, позиции Эмэй станут незыблемыми. С этими мыслями Ляочэнь намекнула на свое решение Чжан Ханьшаню.

Тот поначалу колебался, но потом вспомнил: ученики Удана и Эмэй всегда ладили, многие даже создавали семьи. Если процветает Эмэй, то и Удану будет хорошо. К тому же Главу можно сменить через четыре года, если тот начнет чудить. Так Чжан Ханьшань дал свое согласие.

Шаолинь, разумеется, не возражал.

В итоге в одиночестве и гневе осталась лишь школа Куньлунь. Их глава, Сюаньцзи-цзы, спал и видел, как захватит власть над Срединной равниной, а тут — какой-то Цзи Чанкун. Скрипя зубами от ярости, он был вынужден смириться: один Куньлунь не мог противостоять трем великим школам. Сделав вид, что он само дружелюбие, Сюаньцзи-цзы первым признал статус нового Главы Союза.

Для самого Цзи Чанкуна титул стал неожиданностью. Он всего лишь хотел проверить предел

своего мастерства и не питал иллюзий. Дочери своей он уроков боевых искусств почти не давал, боясь загубить ее талант, и предпочел доверить ее обучение школе Эмэй, где практиковались женские техники.

Тяньдэ был сиротой, выросшим под крылом Цзи Чанкуна. Учитель заменил ему отца. Тяньдэ не желал расставаться с ним и преданно изучал семейное мастерство. К великой радости Чанкуна, ученик не только полностью перенял его знания, но и начал превосходить наставника. Скромный, спокойный и добросердечный, Тяньдэ становился учителю все ближе.

Цзи Чанкун даже подумывал сосватать его за Сяньэр. Однако он не был деспотом. Тяньдэ относился к капризам девушки с неизменной мягкой улыбкой, но не выказывал иных чувств. Сяньэр же, окруженная вниманием множества молодых мастеров и сыновей знатных семей, слушалась только Тяньдэ, но тоже не помышляла о браке.

Постепенно Цзи Чанкун оставил эту затею, но в качестве компенсации стал вкладывать в обучение Тяньдэ всю душу. Это позволило молодому человеку стать лучшим среди сверстников, и в цзянху заговорили о нем как о будущем преемнике Главы Союза.

Тяньдэ сидел в своей каюте, размышляя о нынешнем положении дел. Невольно вырвался вздох. По правде говоря, он не хотел ввязываться в поиски сокровищ, но раз уж Сяньэр прибыла сюда по поручению наставницы Ляочэнь, Цзи Чанкун не мог остаться в стороне. Будучи Главой Союза, он был ограничен в свободе действий, поэтому отправил Тяньдэ присматривать за дочерью. Это был и тонкий политический жест: Глава Союза тоже следит за ситуацией.

Для истинного мастера деньги — прах. Но секретные руководства и чудодейственные пилюли... ради них люди готовы на все. Тяньдэ и сам мечтал раздобыть какое-нибудь редкое снадобье, чтобы помочь учителю совершить тот самый заветный прорыв.

Учение Тай-и объявилось в цзянху около года назад. Глава Ян Муянь ни разу не показывался на людях, но поддерживал добрые отношения со всеми школами. Даже Цзи Чанкун получал от него дары.

Все знают: «съел чужое — язык онемел, взял чужое — рука отсохла». Но подарки Ян Муяня были таковы, что отказаться от них не хватало сил. Один глава школы получил утерянный трактат с секретными техниками своего клана, другой — рецепт от давнего недуга... Цзи Чанкуну же прислали мягкую броню «Морской ёж» — подарок исключительно для женщины. Те, кто принимал дары, чувствовали и радость, и тревогу: радость от обретенного, тревогу — от того, что даритель знал их самые сокровенные слабости.

Цзи Чанкун всегда был честен, ему нечего было скрывать, но единственная дочь была его сердцем. Он казнил себя за то, что в молодости, увлеченный тренировками, мало уделял ей времени, а мать ее умерла рано. Ради безопасности Сяньэр он готов был на все. Броня

«Морской ёж», по слухам, была непробиваема для меча, защищала от огня и ядов, а при ударе внутренней силой могла поглощать и отражать урон. С такой защитой жизнь Сяньэр была в большей безопасности, чем под крылом всей школы Эмэй. Цзи Чанкун долго вертел доспех в руках, тяжело вздохнул и... оставил подарок себе.

Тяньдэ был под стать учителю: сдержан, осмотрителен и, казалось бы, лишен жажды обладания. Но в природе любого воина заложено желание встретить достойного противника.

Схватка с Цинь Ванем в отеле «Приют вечного спокойствия» заставила кровь Тяньдэ закипеть. Хотя Цинь Вань немного уступал ему в силе, его причудливая техника перемещений и странный нрав оставили яркое впечатление.

Однако при встрече с Янь Нанью Тяньдэ ощутил нечто вроде восхищения. Столь молод, а владеет невероятным мастерством, и внутренняя сила его кажется бездонной... Тяньдэ снова вздохнул, осознав, что его прежнее спокойствие было лишь следствием ограниченного кругозора. Оказалось, и он не лишен желаний. Просто раньше он смотрел на всех с высоты, и это ошибочно принималось за великодушие.

Тяньдэ на мгновение смутился, почувствовав, как горят щеки. Тот прекрасный юноша подле Янь Нанью... лицо его божественно, но ум, похоже, не слишком остр... Непонятно, какие отношения связывают его с Янь Нанью, раз тот позволяет себе вести себя столь непринужденно при всех... это... это...

Внезапно Тяньдэ вздрогнул. Почему его так волнует связь Янь Нанью с этим мужчиной? Говорят, у великих мастеров бывают свои причуды, и это его не касается. Сейчас его должен занимать Те Сюань.

При мысли о Те Сюане Тяньдэ успокоился. И он, и Цзи Чанкун сомневались в словах Ян Муяня о «невероятных сокровищах». Но раз Тай-и смогла разослать столь ценные дары, значит, какая-то правда в этой легенде была. Клад, который не смогла проглотить в одиночку целая секта, должен быть колоссален. Одной этой мысли хватало, чтобы всколыхнуть людскую жадность.

Несмотря на множество подозрений, Тяньдэ был вынужден следовать за течением событий.

Не так давно Учение Тай-и, хранившее до этого молчание, объявило: предатель похитил сердце карты и секреты ковки мечей. Были даны зацепки, но когда толпа искателей приключений наводнила горную деревушку, ту уже поглотило пламя. Кто-то шептался, что Учение Тай-и просто мутит воду, стравливая людей, но их масштабные поиски не были похожи на игру. В итоге все, исполненные сомнений, последовали за ними в Янчжоу.

Едва они вошли в город, как Ян Муянь сообщил: потомственный кузнец Семицветного клинка находится в «Приюте вечного спокойствия». Школа Эмэй узнала об этом первой и попыталась перехватить инициативу, но наткнулась на сопротивление и потеряла ученика.

Лянь Цинъюнь погиб странно: на его лице застыла беззаботная улыбка. Это значило, что удар нанес кто-то знакомый. Иначе мастер ближнего боя такого уровня, как Цинъюнь, никогда бы не пал от одного удара.

Именно из-за неясности его смерти Тяньдэ позволил Сяньэр искать мести. И это вывело их на Цинь Ваня. Когда тот раскрыл свою личность, многие почувствовали себя дураками: оказалось, все нити в руках Тай-и, включая ту самую часть карты.

Но жажда наживы была столь велика, что отсутствие Тай-и в этой игре сочли бы скорее признаком обмана. Безумие всегда рождается без причины и заставляет людей идти вслепую.

Тяньдэ еще немного поразмышлял с тревогой, но в конце концов лишь выдохнул. Масло в лампе на столе догорало, огонек мерцал. Тяньдэ легким взмахом погасил свет и лег в постель, не раздеваясь. Сон сморил его мгновенно.

В отличие от Тяньдэ, Те Сюань долго ворочался, не в силах уснуть.

Каюты на судне были просторными, но располагались слишком тесно друг к другу. Тяньдэ из лучших побуждений поселил Янь Нанью и Те Сюаня рядом, но для последнего это стало сущей мукой.

Янь Цин, разумеется, остался в каюте Нанью. Те Сюань благоразумно занял отдельную комнату, но оказаться в одной каюте с Цинь Ванем было невозможно. У того было свое место, а многие и вовсе готовы были уступить ему лучшие покои; делить кров с Те Сюанем он явно не желал.

При мысли об этом сердце Те Сюаня снова кольнуло болью.

В соседней каюте слышались шорохи. Сначала они были едва различимы, но вскоре стали ясными. Те Сюань густо покраснел.

Раньше он привык засыпать мертвецким сном после тяжелого трудового дня. Но теперь, увидев своими глазами связь между Янь Цином и Янь Нанью, он больше не мог притворяться невинным. Стоило закрыть глаза, как перед ним начинали мелькать переплетенные тела, и отогнать эти образы было невозможно.

— Да чтоб тебя! — раздраженно пробормотал Те Сюань. Он не злился на Янь Нанью или Янь Цина, он злился на самого себя за то, что не может выкинуть это из головы.

В конце концов он решил выйти на палубу — переждать, пока все утихнет. Не может же он не спать до самого рассвета.

Ночь была безлунной, но небо усыпали звезды. После шумного вечера большинство воинов уже спали: слышалось ровное дыхание, изредка прерываемое неразборчивым бормотанием во сне. Те Сюань шел в темноте на ощупь, вспоминая путь к выходу на верхнюю палубу.

Распахнув дверь, он невольно втянул голову в плечи. Ночной речной воздух оказался куда холоднее, чем на берегу. Весенняя сырость пробирала до самых костей — куда сильнее, чем сухой зимний мороз. Те Сюань, вышедший в одних нательных одеждах, мгновенно покрылся мурашками.

Он уже хотел было вернуться, но в районе дантяня зародилось тепло. Тонкий ручеек энергии медленно потек по каналам. Там, где он проходил, поры кожи раскрывались, даря ощущение неги и покоя. Те Сюань замер, забыв о времени, полностью погрузившись в это странное, восхитительное чувство отрешенности.

— И долго ты собираешься подсматривать? Может, выйдешь уже? — послышался в тишине неторопливый, но чарующий голос, подобный раскрывающемуся бутону.

Те Сюань мгновенно очнулся. Сначала ему показалось, что он ослышался, и он замер, боясь пошевелиться...

— Если не выйдешь, не вини меня за жестокость... — голос Цинь Ваня мгновенно заледенел. Те Сюань заколебался.

Он не был злопамятным человеком. Несмотря на скудное образование, он знал, что к людям нужно относиться с открытой душой. Но он также знал, что есть люди подлые, способные в любой миг изменить лицо и ударить в спину.

Был ли Цинь Вань таким «подлецом», Те Сюань судить не хотел. Он знал лишь одно: Цинь Вань обманул его, и обманул в чем-то очень важном. Их знакомство не было случайной встречей родственных душ. У Цинь Ваня был свой расчет.

Однако за время их общения Те Сюань был абсолютно искренен. Настолько искренен, что и сам не заметил, как отдал свое сердце. Но эта искренность, похоже, ничуть не тронула Цинь Ваня. От этой мысли во рту стало горько.

В голове Те Сюаня царил хаос. Он не знал, что ответить. Меньше всего на свете он ожидал столкнуться именно с тем, кого так хотел избежать.

С резким свистом холодный блеск пролетел у самого уха Те Сюаня. Тот вздрогнул. Обернувшись, он увидел, что ладонный клинок, который он сам подарил Цинь Ваню, вышел из ножен и вонзился в обшивку корабля прямо за его плечом.

— Это я... — Те Сюань почувствовал, как по коже пробежал холодок. Он заставил себя

заговорить, пересиливая страх. Странно: Цинь Вань не нападал на него открыто, но в его присутствии Те Сюань всегда ощущал необъяснимую робость.

Ночной ветер хлопал дверью, мешая обзору. На палубе воцарилась тяжелая тишина.

— Выходи же, добрый брат... — когда Те Сюань уже решил, что все это морок, раздался издевательский голос Цинь Ваня.

Сердце Те Сюаня сжалось от боли и обиды. Превозмогая горечь, он выдернул клинок из дерева, толкнул дверь и вышел на свет.

Река была неширокой; на берегах изредка мерцали редкие огоньки, нагоняя тоску и ощущение одиночества. На судне бодрствовали лишь рулевые; корабль медленно, но верно приближался к Янчжоу.

Цинь Вань стоял, опершись на борт. Ветер трепал полы его одежд, длинные волосы развевались в ночи, придавая ему облик демона. Те Сюань замер в нескольких шагах за его спиной. Ему хотелось подойти ближе, но ноги словно налились свинцом.

— Мой добрый брат, ночь на дворе. Что ты здесь забыл вместо отдыха? — внезапно заговорил Цинь Вань, заставив Те Сюаня вздрогнуть. — Что такое? Еще недавно ты твердил, что не проживешь без меня и дня, а сегодня и слова не вымолвишь?

Слова Цинь Ваня становились все язвительнее. Те Сюань, не выдержав, шагнул вперед и резко схватил его за плечо, пытаясь развернуть к себе.

Цинь Вань, стоявший до этого с закрытыми глазами, вздрогнул. Он распахнул свои миндалевидные глаза, и его холодный, пронзительный взгляд заставил Те Сюаня снова осечься.

— Отпусти! — выдохнул Цинь Вань. В свете факелов на палубе было видно, что он покраснел — то ли от гнева, то ли от чего-то еще.

Но в Те Сюане проснулось упрямство:

— Не отпущу!

— Ты отпустишь или нет?! — Цинь Вань, теряя терпение, вцепился в запястье Те Сюаня, сжимая его с угрожающей силой.

— Не отпущу, и всё! — Те Сюань тоже разозлился. Разве он в чем-то провинился перед Цинь Ванем? А тот мог так хладнокровно лгать ему столько времени.

— Ты... — Цинь Вань осекся. Он уже готов был применить силу, но увидел, как на лице Те Сюаня проступила боль, хотя тот и не думал разжимать пальцы. Хватка Цинь Ваня ослабла. — Несмышленный дурак!

— Я не понимаю твоих заумных слов! — отрезал Те Сюань. — Скажи мне правду: наше знакомство с самого начала было частью твоего плана?

Цинь Вань слегка отвел взгляд:

— Да.

Руки Те Сюаня задрожали от ярости. Цинь Вань заметил это, бросил на него короткий взгляд и снова отвернулся.

— Я могу простить тебя! — выпалил Те Сюань так быстро, что сам не успел осознать свои слова.

Цинь Вань резко обернулся, глядя ему прямо в глаза:

— А мне не нужно твое прощение.

У Те Сюаня защипало в глазах. Дрожь в руках внезапно сменилась мертвенным спокойствием.

— Цинь Вань, не поступай со мной так...

Цинь Вань помолчал мгновение и легким движением освободил плечо. Он стоял перед ним — высокий, изящный, в своих белых одеждах он казался небожителем в свете факелов, если бы не жестокая усмешка, исказившая его прекрасное лицо.

— Я лгал тебе всё это время. Более того... — Цинь Вань прищурился, его взгляд стал непроницаемым. — Твоего учителя довел до смерти именно я. Я, а не кто-то другой...

Для Те Сюаня каждое его слово было подобно гвоздю, который вбивали прямо в сердце. Он побледнел, он пошатнулся и отступил на два шага.

— Что, не выдержал? — Цинь Вань, казалось, вовсе не чувствовал раскаяния. Он шагнул ближе, так что их лица оказались почти вплотную. — Ты ведь сам говорил: если мне когда-нибудь что-то понадобится, ты сделаешь это не задумываясь. Что же теперь? Я еще ничего не попросил, а ты уже хочешь сбежать?

Те Сюань чувствовал, что даже в лютый мороз ему не было так холодно. Его сковал спазм, и он

застучал зубами от ледяной тоски.

<http://bllate.org/book/17419/1658337>